

Инна Матвеева

ОН НЕ ОТСТУПИТ

УДК 82-3
ББК 84-4
М33

Матвеева И.

М33 Он не отступит / Инна Матвеева – М.: Литнет, 2025. – 280 с.

ISBN 978-5-521-93803-2

Жёсткий, авторитетный, наглый. Он держит в страхе весь универ, вынуждая подчиняться его воле. И с первого нашего столкновения объявляет меня своей. Вот только не на ту напал. Я не привыкла бояться и отстаивать себя умею. Единственный способ перестать считаться его собственностью — бросить ему вызов? Что ж, посмотрим, кто кого...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93803-2

© Литнет, 2025
© И. Матвеева, 2025

Глава 1. Ника

– Займи любое свободное место, – говорит куратор, только что представивший меня группе.

Вожу взглядом, определяя такие. И первое же, которое попадает на глаза, заставляет сердце пропустить удар.

Парень, сидящий за этой партой, неотрывно смотрит на меня. При этом ухмыляется. В глазах вызов.

Мне бы проигнорировать, но откуда-то появляется ощущение, что так покажу свою слабость. Не хочу, чтобы этот тип думал, будто я боюсь. Да и разве мне есть чего бояться? Откуда эта дурацкая робость?..

Не отвожу взгляда от пронзительных зелёных глаз, следящих за каждым моим движением. Упорно иду к их обладателю. Сажусь с ним рядом, старательно делая вид, что мне нет дела до его вызывающей дерзости, с которой окидывает меня взглядом, даже когда я уже села.

Раскрываю тетрадь, начинаю писать конспект со слов лектора. Мой сосед по парте ухмыляется теперь и этому, на что я, не сдержавшись, закатываю глаза. Этот тип думает, что старательно учиться – это забавно?

– Расстегни пуговицу, – неожиданно требует он.

Негромко, так, что слышу только я, вот только слышу офигеть как отчётливо. Эти властные вкрадчивые слова мне под кожу пробираются. Задыхаюсь от возмущения.

И проигнорировать не получается.

– Мою или твою? – ядовито уточняю, стараясь осадить наглеца взглядом и давая ему понять, что мне наплевать на его пошлые высказывания.

Что они вовсе не заставляют кровь приливать к коже, а сердце – ускорять темп.

При этом я поворачиваюсь к соседу и вдруг подмечаю, что вблизи он воздействует ещё сильнее. Эти проступающие за футболкой крепкие мышцы, цепкий взгляд, уверенный вид... Тёмные чуть растрёпанные волосы. Даже они почему-то будто бы дополняют его образ опасного парня.

– Мою потом. Сначала твою, – невозмутимо бросает он, скользнув взглядом мне по рубашке, которая слегка открывает ключицы.

Чёрт возьми, этот тип совершенно невыносим. Он так уверенно заявил про «мою потом», будто даже на секунду не сомневается, что я и вправду буду ему что-то расстёгивать. Вот это самомнение!

Вспыхиваю от мысли, что ведь пуговиц на нём вроде как нет. Разве что одна – та, которая на джинсах, над ширинкой...

– Пошёл нахрен, – не выдерживаю напряжения, выпаливаю и чуть отодвигаюсь.

Мудак снова ухмыляется, но больше ничего не говорит.

Хотя сидеть с ним от этого немногим легче становится. Не перестаю чувствовать его присутствие, несмотря на то, что смотрит уже реже.

Да уж, пожалуй, не стоило с ним садиться. Нашла кому смелость показывать – зачем?

Увы, эта спасительная мысль слишком поздно приходит мне в голову.

Едва дождавшись перемены, мгновенно поднимаюсь с места, чтобы сесть с кем-то более адекватным. Насколько я помню, там парочка свободных сидений точно ещё была.

При этом движении меня припечатывает скучающим и одновременно изучающим взглядом мудака, с которым я сидела. Но дальше этого дело не доходит – он ничего не говорит, лишь демонстративно зеваает и откидывается на стуле.

Ну а я уж тем более не собираюсь тормозить и зависать тут, глядя на этого придурка.

Подхожу к брюнетке, которая сидит одна и листает свою тетрадь. Собираюсь уже сесть рядом, как вдруг натыкаюсь на её настороженный взгляд. Почти даже испуганный.

И это не единственная странность, потому что девушка решается и на слова:

– Извини... Сюда нельзя.

Непонимающе хмурюсь:

– Почему?

Она молчит, мнётся. Мне становится не по себе – эта девчонка не похожа на конфликтную, видно, что еле решается мне отказывать.

– Тут кто-то сидит? – тогда догадываюсь.

– Да... – выдавливая она и чуть ли не краснеет. Но потом кивает увереннее, поспешно ещё раз добавляя: – Да, сидит.

Странно, конечно, что мне пришлось чуть ли не выжимать из неё это банальное и ничем меня не оскорбляющее обстоятельство. Но люди разные, что тут скажешь. Некоторым и в мелочах трудно отказывать другим.

– Ну ладно тогда, нет проблем, – заключаю с лёгкостью в голосе и даже улыбаюсь, чтобы девчонка не заморачивалась из-за ерунды.

Но та будто только сильнее тушует, взгляд на парту опускает.

А я снова осматриваю аудиторию на предмет свободного места. Хотя внутри неприятно ковыряет нехорошим таким чувством... На предчувствие похоже. Что-то тут не так. Не слишком ли заинтересованно на меня почти все смотрят?

Подхожу к ещё одному парню со свободным местом. Обычный такой шатен на вид, не особо приметный. Вряд ли проблемный.

Но он вдруг демонстративно кладёт рюкзак на то самое свободное место. Ещё и рукой его придерживает – видимо, на случай, если я осмелюсь убрать.

– Ко мне тоже нельзя. Извини, у меня тоже есть сосед.

Хмурюсь. Ощущение, что что-то тут не так, усиливается чуть ли не с каждой секундой.

– Уже вторая пара, не факт, что придёт, – решаюсь поспорить.

– Может опоздать, – бескомпромиссно и быстро отвечает парень, параллельно печатая что-то у себя в телефоне. – Лучше вернись к себе.

Я уже собираюсь возмутиться этим странным соседям, на чьи места не имеет право никто претендовать. Ну или пообещать, что если кто-то придёт, пересяду. Но не успеваю сформулировать ответ – парень неожиданно показывает телефон мне.

И от текста в нём сердце пропускает удар. Может, даже не один.

«Извини, это из-за Дикого. Ты больше ни с кем не можешь сесть, потому что он так решил».

Что?..

Это, блин, серьёзно?!

Дикий?

Машинально смотрю на парту, за которой сидела совсем недавно. Точнее, на единственного тут человека, которому максимально подходит эта кликуха. Что за фигня вообще?..

Он, наверное, единственный, кто не следит за развитием ситуации. Лениво ковыряется там в своём телефоне, едва ли вообще в курсе, что мы тут о нём говорим. Точнее, печатаем, потому что говорить, видимо, боимся.

Поперхнувшись при новом вдохе, заставляю себя отвести взгляд. Отказываюсь верить в реальность этого абсурда.

Снова смотрю на парня, к которому собиралась пересесть. Он опять показывает мне телефон, только на этот раз там другой текст. От которого, впрочем, ничуть не легче.

«Дикий сказал, что если ты сядешь с ним, то ты его. Ты села, а потому теперь решать ему».

Из меня вырывается нервный смешок. В смысле, я его? Я что, вещь какая-то? С какой это стати кто-то теперь будет решать за меня?!

Вот только возмущения никак не выплёскиваются. Мне не по себе начинать эту тему вслух. Напрягает, как серьёзно все воспринимают ситуацию. И этот парень, и та девчонка... И настороженные наблюдатели...

Ели честно, мне даже страшно становится. Непривычное стрёмное ощущение, что я конкретно так влипла. И это всего лишь потому, что села с этим, чтоб его, Диким?!

Чокнутый ему подходит больше. Ну или Мудак. Хотя это всё равносильно.

– Я просто сяду сюда, – не выдерживаю, пытаюсь убрать рюкзак парня со свободного места.

А сердце колотится так, что, наверное, скоро вырвется из груди.

– Нет, – жёстко возражает парень, обеими руками удерживая рюкзак на месте.

Я предпринимаю ещё несколько бесполезных попыток вырвать себе место. Отчаянно, почти не веря в успех, но упорно сопротивляюсь неизбежности. Конечно, у меня не получается. Что там мои силы против любых мужских.

Накрывает чувством беспомощности. Обессилено обвожу всю группу взглядом и ясно вижу, что в этой ситуации они все против меня. Не потому, что я им чем-то не нравлюсь. А потому, что они выполняют всё, что этот Дикий хочет. Никто тут не пойдёт против него. Тем более ради новенькой, толком не влившейся в коллектив.

Мне в этом универе ещё учиться... И долго, четыре года.

Глаза щиплет, но я не заплачу. Просто разворачиваюсь и иду к тому самому Дикому. Другого выхода, увы, нет. Нажаловаться преподам или куратору? Тогда я моментально стану изгоем в коллективе, могут начать травить. Стукачей никто не любит. К тому же, я не знаю, насколько у этого мудака всё тут под контролем. Судя по всему, влияние у него мощное.

Дойдя до его парты, резко замираю, почти цепенею. На свободном месте лежит рюкзак.

– Мне что, и сюда нельзя? – стараюсь не выдавать страх в голосе, но тот предательски дрожит.

Дикий отрывается от телефона, с интересом смотрит на меня. Прямо в глаза, испытывая.

– Сюда можно. Но ты сама от меня убежала, колючка. Теперь придётся заслужить это место, – вкрадчиво заявляет.

Меня мгновенно накрывает волной возмущения. Не знаю, какими сверхъестественными усилиями умудряюсь не выплеснуть его и даже выдержать взгляд мудака. Я потом придумаю, как решить проблему. Пока придётся действовать по его правилам, не стоя же мне лекцию слушать.

– Как? – бесцветно уточняю.

– Расстегни пуговицу.

Глава 2. Ника

Застываю, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Офигеть у меня положение, конечно.

Сначала пуговица, потом что?..

Если я поддамся на требование этого Дикого, то вряд ли он ограничится одним. Решит, что продавил, что я теперь подчиняться ему буду. Как и все здесь, судя по всему.

Неужели ни у кого из группы не возникает желания послать этого мудака подальше?..

– Долго думаешь, – лениво бросает он, скользя по мне странным взглядом.

Причём цепким таким, что я машинально тянусь негнушимися похолодевшими пальцами к рубашке. Дикий усмехается.

И я резко опускаю руку.

Какого чёрта вообще тут стою в унижительном положении перед ним? Да ещё и скалится, мудака. Да наплевать на последствия, тут не тюрьма вроде как с авторитетными порядками, а универ порядочный.

– Повторяю уже сказанное – пошёл нахрен.

Мой чуть дрожащий голос отчётливо прозвенел в зловещей тишине кабинета и такое ощущение, что до сих пор звенит. Все взгляды на меня. И судя по ужасу в глазах некоторых, я сейчас офигеть по какому тонкому льду хожу. Мало того, что послала Дикого при всех, так ещё и явно дала понять, что не в первый раз.

Горло пересыхает, а внизу живота тянет тугим комком нервов. Но нет... Нельзя сдаваться. Я не буду унижаться. Наплевать, кто такой этот Дикий и почему перед ним тут все стелются.

– С характером, значит, – задумчиво подмечает он и ухмыляется. – Ладно. Поиграем.

Желание врезать по его наглой физиономии становится почти

непреодолимым. Но вместо этого я отхожу от ублюдка подальше, и, остановившись между рядов, обращаюсь ко всем:

– Ребят, вас много, а он один. Не надо идти у него на поводу. Если мы все вместе объединимся против его порядков, выстоим. Я прошу вас уступить мне любое свободное место и закончить этот цирк.

Конечно, меня тянет выразить своё отношение к происходящему в куда менее сдержанных словах, но сейчас важно достучаться до хоть кого-то.

Некоторое время после моих слов воцаряется тишина. Не знаю, на секунды или даже минуты – мне не до хотя бы примерных подсчётов, когда сердце лихорадочно бьётся чуть ли не в висках. Я ведь прилюдно вызов бросаю этому их Дикому.

Странно, кстати, что он вообще не реагирует. Кажется, даже не смотрит. Не чувствую этого, а оборачиваться проверять не тянет.

Тем более что голоса других ребят всё же раздаются:

– А ты кто такая вообще? Только пришла и порядки устанавливаешь?

– Революционерка хренова.

– Думаешь, мы тут все тупые и не знаем, что делаем и зачем?

Если первые высказывания были не особо запальчивыми, то потом ребята расходятся и наперебой уже говорят примерно в том же смысле. Меня буквально засыпает всеобщим недовольством. Наверное, поэтому Дикий спокоен – знал, что так будет. Хорошо он их выдрессировал, ничего не скажешь.

Уже второй раз за небольшой промежуток времени я оказываюсь в самом унижительном положении. Меня тут разве что не оскорбляют уже. А ощущение несладкой будущей жизни в этом универе накрывает так, что к горлу подступает ком. Надеюсь, хватит выдержки не расплакаться.

Если уж на то пошло, то даже в случае выполнения требования Дикого ситуация была бы не лучше. Я постепенно превратилась бы